

Левченко Светлана Олеговна

ПОЭТИКА ДИСТАНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ХАРИТОНОВА

Статья посвящена рассмотрению творчества Е. Харитонova, а именно поэтологических особенностей его рассказов. Работы этого писателя долгое время оставались в тени, и до сих пор не было предпринято попыток их комплексного осмысления. В данном исследовании анализируются именно художественные особенности его произведений. Автор рассматривает саморефлексию как художественный метод, характерный для Е. Харитонova, а также раскрывает значение мотива дистанции для творчества этого писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 121-123. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, отображение пространственных отношений в конкретных языковых единицах обусловлено условиями жизни социумов, определяющими характер восприятия действительности. Диалектный язык даёт нам информацию о крестьянском мировидении, которое является одной из главных составляющих русской национальной картины мира, и одновременно – фактором, оказывающим большое влияние на ее формирование.

Список литературы

1. **Гынгазова Л. Г.** Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред., профессор З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 78-109.
2. **Кубрякова Е. С.** Язык пространства и пространство в языке (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 22-31.
3. **Ненькина Е. В.** Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2012. 24 с
4. **Ненькина Е. В.** Наречия с пространственной семантикой в донском казачьем диалекте // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2011. № 4 (40). С. 126-132.
5. **Порядина Р. Н.** Духовный мир в образах пространства // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред., профессор З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 11-77.
6. **Словарь Русских говоров Приамурья** / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Пуяткина, Н. П. Шенкевец. Изд-е 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
7. **Слово:** Фольклорно-диалектологический альманах: мат-лы научных экспедиций / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2005-2014. Вып. 2-11.
8. **Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

ADVERBS AS A TOOL OF SPACE LOCALIZATION (BY DIALECTAL MATERIAL)

Laguta Nina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Amur State University
nlaguta@mail.ru

The representation of spatial relations reflects the specificity of the world perception by linguistic consciousness and therefore may be a model for studying the language worldview. The article is devoted to the description of adverbs with spatial semantics in order to identify the main types of localization in the fragment of the dialectal worldview. The dialectal language provides us with information about the peasant world outlook which, on the one hand, is one of the main constituents of the Russian national worldview, and on the other hand, is a factor that has a great influence on its formation.

Key words and phrases: space; dialectal utterance; localizer; localization; worldview; adverb.

УДК 82.1.161.1

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению творчества Е. Харитоновой, а именно поэтологических особенностей его рассказов. Работы этого писателя долгое время оставались в тени, и до сих пор не было предпринято попыток их комплексного осмысления. В данном исследовании анализируются именно художественные особенности его произведений. Автор рассматривает саморефлексию как художественный метод, характерный для Е. Харитоновой, а также раскрывает значение мотива дистанции для творчества этого писателя.

Ключевые слова и фразы: рассказчик; субъектно-объектная организация; Харитонов; поэтика идентичности; мотив дистанции.

Левченко Светлана Олеговна

Самарский государственный университет
vebka@mail.ru

ПОЭТИКА ДИСТАНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ХАРИТОНОВА©

История литературы знает немало примеров, когда то или иное произведение или даже все творчество отдельного автора оказывалось вынесено за скобки литературного процесса. До широкой публики оно не доходило, а критики, роль которых как раз в том, чтобы сталкивать читателей с современной литературой, предпочитали в силу разных причин, нередко идеологических, такое произведение не замечать. Однако, как нам кажется, осмысление истории литературы как непрерывного процесса невозможно без рассмотрения и анализа подобных текстов.

Именно в так называемых андеграундных течениях наиболее полно и явно реализуются основные культурные тенденции эпохи. Изучение поэтики подобной литературы даёт нам возможность несколько иначе взглянуть на те или иные художественные приемы и формирование литературного процесса вообще.

С нашей точки зрения, задача современного исследователя обратиться именно к тем текстам, которые в свое время не заняли место в литературной иерархии, так как без изучения таких произведений представление о литературном процессе не может быть полным.

Эксперименты с формой сближают Е. Харитонову с П. Улитиним, и далее – с мощными традициями, идущими от Д. Джойса и М. Пруста. Поэтологизация дистанции между автором и художественным субъектом – предтеча работы писателей-концептуалистов (В. Сорокина, В. Ерофеева). Сейчас к Харитонову обращаются исследователи и вне данного контекста, ищущие истоки русского постмодерна и концептуальной прозы [2, с. 15]. Именно на этой черте его поэтики мы и хотим остановиться в своей статье.

К творчеству Е. Харитонову применимо понятие «генеральный субъект». «Я» его произведений – это не просто точка зрения, не просто перспектива взгляда, не рассказ от первого лица. Это напряженная внутренняя рефлексия, бесконечный анализ самого мышления и восприятия.

Узловая точка этой саморефлексии – осознание себя через оппозиции и противопоставление себя – миру. Субъект сознания не характеризует себя набором каких-то черт, не анализирует, кто он есть. Его главный вопрос: «кому я себя противопоставляю?». Художественный субъект в прозе Харитоновой выстраивает дистанции между собой и обществом, находя разные для этого основания.

Само повествование, стиль писателя – продукт переживания субъектом дистанции между «я» и «другие». Повествование, часто «болезненное», отрывочное и фрагментированное раскрывает нам такое же «болезненное» отношение героя с миром. Даже на уровне стиля поддерживается изображение все той же дистанции между «я» и миром. Ритм рассказов Харитоновой нарочито рваный, судорожный, повествователь признается, что он и сам «аритмичен», фонетически некоторые фрагменты текста настолько «сжаты» и «закручены», что создается вполне ощутимый образ этих «конвульсий»:

«А в композициях я стремлюсь по капле собрать побольше, чтобы получилось зрелище тугой насыщенной скрученной в комок концентрированной уплотнённой жизни в утешение себе и показать людям, как я круто туго напряжённо упруго как будто живу» [3, с. 238].

Это соответствует и воспаленности восприятия повествователя, который прямо признается «мне 100 лет» и мне «все надоело», и тому, что он, собственно, повествует: отношения с женщинами, с искусством, с культурой описанные здесь – полные иронии и некоего фарса, усталой усмешки, обращенной на самого себя и свой жизненный путь.

Мотив старости как причины отчужденности от внешнего мира часто встречается у Харитоновой. Старость в его произведениях всегда связывается с мотивом телесности, а именно проявляется в каких-либо физических недостатках у героев, во внешнем несовершенстве, и, опять-таки, приводит к принципиальному разобщению художественного субъекта с прочими персонажами.

Оппозиция «я» – «вы» даже не конструируется, а мучительно переживается, превращаясь в границу между «я» и «миром». Художественный мир, созданный Харитоновым, состоит не из описаний, а из «проживаний» – собранных как из мозаики чувств, впечатлений, предположений, опасений этого «я». В общих чертах, говоря о стиле Е. Харитоновой, исследователи отмечают «пластичность», эмоциональность и иррациональное начало его прозы, предельную чувственность и «зримость» изображаемого мира, установку на «честную прозу» и исповедальную позицию повествователя [5].

Дистанция между «я» и «мир» ощутима и для рассказчика, который занимает позицию «наблюдателя», не вмешиваясь и не пытаясь противостоять враждебному миру, и для героя, который пока этого не осознает.

Большое место в произведении отводится изображению государственной машины как силы, довлеющей над «я», стремящейся его унижить и, в конечном счете, уничтожить. Она давит на рассказчика и как на творческую единицу, и как на личность:

«У человека прав нет, запомните. Человек – это никто. Любой может быть раздавлен и размазан по полу и его след будет немедленно смыт и выброшен в ведро и закопан. Они просто вызвали и припугнули. А имеют ли они право говорить тебе то, чего нет? Они имеют право на все. У тебя нет прав» [4, с. 178].

«Я» рассказчика подвергается сильнейшему прессингу и постоянно ощущает на себе это, мысли его постоянно возвращаются к тому, насколько он раздавлен, его «я» попеременно борется и смиряется с идеей, что эта травля превратила его в ничто.

Во многом, выстраивание образа героя Е. Харитоновой продолжает традиции русской литературы (образ «маленького человека», образ «лишнего человека») и представляет собой их модификацию, связанную с мотивом невыразимости себя, невозможности самореализации в условиях довлеющей государственной машины.

Дистанция и ощущение дистанции организует весь художественный мир его произведений. Пространственно-временная организация прозы Харитоновой продиктована теми же оппозициями «я» – «другие». Художественное пространство предельно сжато, чаще все действие разворачивается в пределах одной квартиры, даже комнаты, в которую если и проникает внешний мир, то опосредованно: на уровне звуков, рассказов второстепенных героев и т.д. Писатель работает с напряженной рефлексией повествователя на внешние «раздражители», внешне это походит на простое перечисление событий, предметов, людей, но на самом деле это трансляция из сознания повествователя, об объектах внешнего мира мы узнаем постольку, поскольку на это отзывается сознание героя.

Мотив дистанции также реализуется и на уровне текста. Субъект сознания предстает перед нами как неприспособленный к жизни в социуме, неумеющий жить по его законам, отвергнутый. И как следствие, рассказчик в произведениях Харитоновой «не умеет говорить»: стиль произведений Харитоновой, на первый взгляд, кажется пестрым смешением разных текстов, бессмысленных, вырванных из контекста. На самом же деле тут ощутим главный смысловой стержень, на который эти фрагменты нанизаны – мучительный поиск своей идентичности и попытка объяснить свое «я».

С этой же особенностью творчества Харитоновой связана и художественная специфика его произведений, многие из которых представляют собой некую сложную жанровую модель, имеющую черты очерка, дневниковой записи и рассказа. Написанные, в основном, как впечатление от каких-то реальных фактов из биографии писателя, они могут включать в себя размышления самого автора, его воспоминания, включенные небольшие новеллы, стихотворения. Художественный субъект как бы тщетно пробует применить на себя разные жанровые модели, овладеть языком и формой. В этих формальных смешениях очевидно глубокое противостояние героя и мира.

Подводя итоги, можно еще раз подчеркнуть, что основой художественной рефлексии для героев Е. Харитоновой становится непреодолимая дистанция, которая в творчестве данного автора постепенно видоизменяется: сначала дистанция между художественным субъектом и другими героями, затем в отношениях между героем и миром, который изображается всегда враждебно, и, в конце концов, непреодолимый раскол обнаруживается в самом «я», сама личность разрушается под гнетом внешнего мира. Рефлексия по поводу этой дистанции оформляется в традиции потока сознания, события и факты реальности транслируются из сознания героя.

Как это часто бывает, именно тематика произведений выстроила стену между автором и читателем. Проблема художественного субъекта в прозе Харитоновой связана с проблемой идентичности в культуре, в том числе гендерной. В русской литературе тяжелее, чем в зарубежной, найти писателя, в творчестве которого этот мотив был бы последовательно и разнообразно представлен, а не являлся бы случайным штрихом. Эту ментальную особенность отечественной литературы наиболее убедительно, на наш взгляд, объясняет следующее высказывание: «...русская культурная традиция всегда была ориентирована на проблематизацию вертикального измерения культуры, связанного с такими глобальными вещами, как, к примеру, эволюция личности – от грязных подошв до полного растворения в заоблачных высях трансцендентного. <...> Различные же проявления телесности связаны, скорее, с «горизонтальным» измерением культуры, то есть с тем отношением к культуре, где она сама понимается как основа и причина человеческих различий, а не универсального единства. Именно этой зависимостью от «вертикальных» универсалистских конструкций и объясняется традиционное отсутствие в России профессионально структурированного культурного пространства в том смысле, как оно понимается в традиции европейской» [1].

Другая, не менее важная причина состоит в сложном, несколько «рваном» стиле его творчества, в манере изложения.

Как нам кажется, творчество Е. Харитоновой незаслуженно лишено исследовательского внимания. Поэтика Е. Харитоновой сложна, приемы, им разрабатываемые, широко реализуются в современном искусстве, в связи с чем можно говорить о том, насколько этот автор опередил свое время. В целом, его произведения представляют собой очень интересный социокультурный документ, имеющий значение и для биографии писателя, и для характеристики того времени и среды, в которой он жил.

Список литературы

1. **Беляева-Конеген С.** Интервью с Дмитрием Приговым (о Евгении Харитонове) [Электронный ресурс] // Митин журнал. 1990. № 32. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj32/prigov.shtml> (дата обращения: 07.04.2014).
2. **Могутин Я.** Каторжник на ниве буквы // Харитонов Е. Слезы на цветах: сочинения: в 2-х кн. М.: Журн. «Глагол», 1993. Кн. 2. Дополнения и приложения. С. 5-20.
3. **Харитонов Е. В.** Слезы на цветах // Харитонов Е. Слезы на цветах: сочинения: в 2-х кн. М.: Журн. «Глагол», 1993. Кн. 1. Тексты. Комментарии. С. 234-248.
4. **Харитонов Е.** Слезы об убитом и задушенном // Харитонов Е. Слезы на цветах: сочинения: в 2-х кн. М.: Журн. «Глагол», 1993. Кн. 1. Тексты. Комментарии. С. 177-210.
5. **Яркевич И.** Последняя прямота [Электронный ресурс] // Галерея М. Гельмана. URL: <http://www.guelman.ru/yarkevich/esse12.htm> (дата обращения: 20.03.2014).

THE POETICS OF DISTANCE IN THE CREATIVITY OF E. KHARITONOV

Levchenko Svetlana Olegovna
Samara State University
vebka@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the creativity of E. Kharitonov, namely, the poetological peculiarities of his stories. The works of this writer have stayed in the background for a long time, and there haven't been any attempts of their complex understanding so far. In the research the artistic peculiarities of his works are analyzed. The author considers self-reflection as an artistic technique typical for E. Kharitonov and also reveals the importance of the distance motive for the creativity of this writer.

Key words and phrases: narrator; subject-object organization; Kharitonov; poetics of identity; motive of distance.